

Анатолий Рыбаков

КОРТИК
БРОНЗОВАЯ ПТИЦА
ВЫСТРЕЛ

Санкт-Петербург

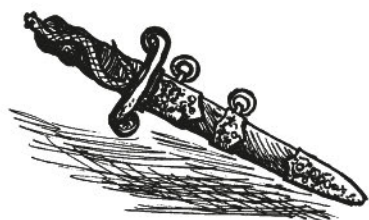
УДК 087.5
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р 93

Оформление обложки Владимира Гусакова
Иллюстрации
Екатерины Чудновской («Кортик», «Выстрел»),
Игоря Ильинского («Бронзовая птица»),
Арнольда Тамбовкина («Кортик»)

© А. Н. Рыбаков (наследники), 2024
© И. А. Ильинский (наследники), иллюстрации, 2024
© Е. И. Чудновская, иллюстрации, 2024
© А. Г. Тамбовкин (наследники), иллюстрации, 2024
© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25407-7

КОРТИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ РЕВСК

Глава 1 ИСПОРЧЕННАЯ КАМЕРА

Миша тихонько встал с дивана, оделся и выскользнул на крыльцо.

Улица, широкая и пустая, дремала, пригретая ранним утренним солнцем. Перекликались петухи. Изредка из дома доносились кашель, сонное бормотание — первые звуки пробуждения в прохладной тишине покоя.

Миша жмурил глаза. Его тянуло обратно в тёплую постель, но мысль о рогатке заставила его встряхнуться. Осторожно ступая по скрипучим половицам коридора, он пробрался в чулан.

Тусклый свет падал из крошечного оконца под потолком на прислонённый к стене велосипед — старую сбор-

ную машину на спущенных шинах, со ржавыми спицами и порванной цепью. Миша снял висевшую над велосипедом рваную, в разноцветных заплатках камеру, перочинным ножом вырезал из неё две узкие полоски и повесил обратно так, чтобы вырез был незаметен.

Он осторожно открыл дверь, собираясь выбраться из чулана, как вдруг увидел в коридоре Полевого, босого, в тельняшке, со взлохмаченными волосами. Миша прикрыл дверь и, оставив маленькую щёлку, притаился.

Полевой спустился во двор, подошёл к заброшенной собачьей будке, внимательно осмотрелся.

«Чего ему не спится? — думал Миша. — И осматривается как-то странно...»

Полевого все называли «товарищ комиссар». Высокий, могучий человек, в прошлом матрос, он до сих пор ходил в широких чёрных брюках и куртке, пропахшей табачным дымом. Из-под куртки на ремешке болтался наган. Все ревские мальчишки завидовали Мише — он жил в одном доме с Полевым.

«Чего это он? — удивлялся Миша. — Так я из чулана не выберусь! Бабушка вот-вот поднимется».

Полевой сел на лежавшее возле будки бревно, ещё раз осмотрел двор. Его взгляд скользнул по щёлочке, в которую подглядывал Миша, по окнам дома.

Потом он засунул руку под будку, долго шарил там, видимо нащупывая что-то, затем выпрямился, встал и пошёл обратно в дом. Скрипнула дверь его комнаты, затрещала под грузным телом кровать, и всё стихло.

Мише не терпелось смастерить рогатку, но... что искал Полевой под будкой? Миша крадучись подошёл к ней и остановился в раздумье.

Посмотреть, что ли? А вдруг кто-нибудь заметит? Он сел на бревно и оглянулся на окна дома. «Нет, нехорошо! Нельзя быть таким любопытным! — подумал Миша и за-

сунул руку под будку. — Ничего здесь не может быть». Ему просто показалось, будто Полевой что-то искал... Рука его шарила под будкой. Конечно ничего! Только земля и скользкое дерево... Мишины пальцы попали в расщелину. Если здесь и спрятано что-нибудь, то он даже не посмотрит, только убедится, есть тут что или нет. Он нащупал в расщелине что-то мягкое, вроде тряпки. Вытащить? Миша ещё раз оглянулся на дом, потянул тряпку и, разгребая землю, вытащил из-под будки свёрток.

Он стряхнул с него землю и развернул. На солнце блеснул стальной клинок кинжала. Кортик! Такие кортики носят морские офицеры. Он был без ножен, с тремя острыми гранями. Вокруг побуревшей костяной рукоятки извивалась бронзовым телом змейка с открытой пастью и загнутым кверху язычком.

Обыкновенный морской кортик. Почему же Полевой его прячет? Странно. Миша ещё раз осмотрел кортик, завернул его в тряпку, засунул обратно под будку и вернулся на крыльцо.

Со стуком падали деревянные брусья, запирающие ворота. Коровы медленно и важно, помахивая хвостами, присоединялись к проходившему по улице стаду. Стадо гнал пастушонок в длинном, до босых пят, рваном зипуне и барашковой шапке. Он покрикивал на коров и ловко хлопал бичом, который волочился за ним в пыли, как змея.

Сидя на крыльце, Миша мастерил рогатку, но мысль о кортике не выходила у него из головы. Ничего в этом кортике нет, разве что бронзовая змейка... Почему Полевой его прячет?

Рогатка готова. Эта будет получше Генкиной! Миша вложил в неё камешек и стрельнул по прыгавшим на дороге воробьям. Воробьи поднялись и уселись на заборе. Миша хотел ещё раз выстрелить, но в доме раздалась

шаги, стук печной заслонки, плеск воды из ушата. Миша спрятал рогатку за пазуху и направился в кухню.

Бабушка в своём засаленном капоте с оттопыренными от множества ключей карманами передвигала по скамейке большие корзины с вишнями. На озабоченном лице щурятся маленькие, подслеповатые глазки.

Миша запустил руки в корзину.

— Куда, куда! — закричала бабушка. — Грязными лапами!

— Жалко уж! Я есть хочу, — проворчал Миша.

— Умойся сперва.

Миша подошёл к умывальнику, чуть смочил ладони, прикоснулся к кончику носа, тронул полотенце и отправился в столовую.

На своём обычном месте, во главе длинного обеденного стола, покрытого коричневой цветастой клеёнкой, уже сидит дедушка — старенький, седенький, с редкой бородкой и рыжеватыми усами. Большим пальцем он закладывает в нос табак и чихает в жёлтый носовой платок. Его живые, в лучах добрых, смешливых морщинок глаза улыбаются, и от его сюртука исходит мягкий и приятный запах, только одному дедушке свойственный.

На столе ещё ничего нет. В ожидании завтрака Миша поставил свою тарелку посреди нарисованной на клеёнке розы и начал обводить её вилкой, чтобы замкнуть розу в круг.

На клеёнке появляется глубокая царапина.

Неся перед собой самовар, в столовую вошла бабушка. Миша прикрыл царапину локтями.

— Где Семён? — спросил дед.

— В чулан пошёл, — ответила бабушка. — Велосипед вздумал чинить!

Миша вздрогнул и, забыв про царапину, снял локти со стола. Велосипед чинить? Вот так штука! Всё лето дядя

Сеня не притрагивался к велосипеду, а сегодня, как назло, принялся за него. Сейчас увидит камеру — и начнётся ка- нитель.

Скучный человек дядя Сеня! Бабушка — та просто от- ругает, а дядя Сеня скривит губы и начинает читать но- тации. В это время он смотрит в сторону, снимает и на- девает пенсне, теребит золочёные пуговицы на своей студенческой тужурке. А он вовсе не студент! Его дав- ным-давно исключили из университета за «беспорядки». Интересно, какой беспорядок мог наделать такой всегда аккуратный дядя Сеня? Лицо у него бледное, серьёзное, с маленькими усиками под носом. За обедом он обычно читает книгу, скосив глаза, и, не глядя, наугад подносит ко рту ложку.

Миша опять вздрогнул: из чулана донеслось громыха- нье велосипеда.

И когда в дверях показался дядя Сеня с порезанной камерой в руках, Миша вскочил и, опрокинув стул, опро- метью бросился из дому.

Глава 2 ОГОРОДНЫЕ И АЛЕКСЕЕВСКИЕ

Он промчался по двору, перемахнул через забор и очу- тился на соседней, Огородной улице. До ближайшего пе- реулка, ведущего на свою, Алексеевскую улицу, не более ста шагов. Но мальчишки с Огородной, заклятые враги алексеевских, уже заметили Мишу и сбегались со всех сторон, вопя и улюлюкая, в восторге от предстоящей рас- правы с алексеевским, да ещё с москвичом.

Миша быстро вскарабкался обратно на забор и за- кричал:

— Что, взяли? Эх вы, пугалы огородные!

Это была самая обидная для огородных клочка. В Мишу полетел град камней. Он скатился с забора во двор, на лбу его набухла шишка, а камни продолжали лететь, падая возле самого дома, из которого вдруг вышла бабушка. Она близоруко сощурила глаза и, обернувшись к дому, кого-то позвала. Наверное, дядю Сеню...

Миша прижался к забору:

— Ребята, стой! Слушай, чего скажу!

— Чего? — ответил кто-то за забором.

— Чур, не бросаться! — Миша снова влез на забор, с опаской поглядел на ребячьи руки. — Что вы все на одного? Давайте по-честному — один на один.

— Давай! — закричал Петька Петух, здоровенный парень лет пятнадцати.

Он сбросил с себя рваную кацавейку и воинственно засучил рукава рубашки.

— Уговор, — предупредил Миша, — двое дерутся, третий не мешай.

— Ладно, ладно, слезай!

На крыльце рядом с бабушкой уже стоял дядя Сеня.

Миша спрыгнул с забора.

Петух тут же подступил к нему.

— Это что? — Миша ткнул пальцем в железную пряжку Петькиного пояса.

По правилам во время драки никаких металлических предметов на одежде быть не должно. Петух снял ремень. Его широкие, видно отцовские, брюки чуть не упали. Он подхватил их рукой, кто-то подал ему верёвку. Миша в это время расталкивал ребят: «Давай, побольше места!..» — и вдруг, отпихнув одного из мальчиков, бросился бежать.

Мальчишки с гиком и свистом кинулись за ним, а сзади всех, чуть не плача от огорчения, бежал Петух, придерживая рукой падающие штаны.

Миша нёсся во всю прыть. Босые его пятки сверкали на солнце. Он слышал позади себя топот, сопение и крики преследователей. Вот поворот. Короткий переулок... И он влетел на свою улицу. Ему на выручку бежали алексеевские. Огородные, не принимая драки, вернулись к себе.

— Ты откуда? — спросил рыжий Генка.

Миша перевёл дыхание, оглядел всех и небрежно произнёс:

— С Огородной. Дрался с Петухом по-честному, а как стала моя брать, они все на одного.

— Ты — с Петухом? — недоверчиво спросил Генка.

— А то кто?! Здоровый он парень, во какой фонарь мне подвесил! — Миша потрогал шишку на лбу.

Все с уважением посмотрели на этот синий знак его доблести.

— Я ему тоже всыпал... — продолжал Миша. — Запомнит! И рогатку отобрал. — Он вытащил из-за пазухи рогатку с длинными красными резинками. — Получше твоей.

Потом он спрятал рогатку, презрительно посмотрел на девочек, формочками лепивших из песка куличики, и насмешливо спросил:

— А ты что делаешь? В пряталки играешь, в салочки? «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...»

— Вот ещё! — Генка потрянул рыжими вихрами. — Давай в ножички.

— На пять горячих со смазкой.

— Ладно.

Они уселись на деревянный тротуар и начали по очереди втыкать в землю перочинный ножик: просто, с ладони, броском, через плечо, солдатиком...

Миша первым закончил все фигуры. Генка протянул ему руку. Миша соорудил зверскую физиономию и поднял кверху два послюнявленных пальца. Генке эти секунды кажутся часами, но Миша не ударил. Он опустил руку и сказал: «Смазка просохла» — и снова послюнявил пальцы. Это повторялось по нескольку раз, перед каждым ударом, пока Миша не вlepил наконец Генке все пять горячих, и Генка, скрывая выступившие на глазах слёзы, дул на посиневшую и ноющую руку.

Солнце поднималось всё выше. Тени укорачивались и прижимались к палисадникам. Улица лежала полумёртвая, едва дыша от неподвижного зноя. Жарко. Надо искупаться.

Мальчики отправились на Десну.

Узкая, в затвердевших колеях дорога вилась полями, уходившими во все стороны зелёно-жёлтыми квадратами.

Квадраты спускались в ложбины, поднимались на пригорки, постепенно закруглялись, как бы двигаясь вдаль по правильной кривой, неся на себе рощи, одинокие овины, задумчивые облака.

Пшеница стояла высокая, неподвижная. Мальчики рвали колосья и жевали зёрна, ожесточённо сплёвывая пристающую к небу шелуху. В пшенице что-то шелестело. Испуганные птицы вылетали из-под ног.

Вот и река. Приятели разделись на песчаном берегу и бросились в воду, поднимая фонтаны брызг. Они плавали, ныряли, боролись, прыгали с шаткого деревянного моста, потом вылезли на берег и зарылись в горячий песок.

— А в Москве есть река? — спросил Генка.

— Есть. Москва-река. Я тебе уже тысячу раз говорил.

— Так по городу и течёт? Как же в ней купаются?

— Очень просто: в трусиках. Без трусов тебя к Москве-реке за версту не подпустят. Специально конная милиция смотрит.

Генка недоверчиво ухмыльнулся.

— Чего ты ухмыляешься? — рассердился Миша. — Ты, кроме своего Ревска, не видал ничего, а ухмыляешься!

Глядя на приближающийся к реке табун лошадей, он спросил:

— Какая самая маленькая лошадь?

— Жеребёнок, — не задумываясь, ответил Генка.

— Вот и не знаешь! Самая маленькая лошадь — пони. Есть английские пони, они — с собаку, а японский пони — вовсе с кошку.

— Врёшь!

— Я вру? Если бы ты хоть раз был в цирке, то не спорил бы. Ведь не был? Скажи: не был?.. Ну вот, а споришь!

Генка помолчал, потом сказал:

— Такая лошадь ни к чему: её ни в кавалерию, никуда.

— При чём тут кавалерия? Думаешь, только на лошадях воюют? Если хочешь знать, один матрос уложит трёх кавалеристов.

— Я про матросов ничего не говорю, — сказал Генка, — а без кавалерии никак нельзя. Вот банда Никитского — все на лошадях.

— Подумаешь, «банда Никитского»!.. — Миша презрительно скривил губы. — Скоро Полевой поймает этого Никитского.

— Не так-то просто, — возразил Генка, — его уж год все ловят, никак не поймают.

— Поймают!

— Тебе хорошо говорить, а он крушения устраивает. Отец уж боится поезда водить.

— Ничего, поймают.

Миша зевнул, зарылся глубже в песок и задремал. Генка тоже дремлет. Им лень спорить: жарко.

Солнце обжигает степь, и, спасаясь от него, молчаливая степь лениво утягивается за горизонт.

Глава 3 ДЕЛА И МЕЧТЫ

Генка ушёл домой обедать, а Миша бродил по горластому украинскому базару.

На возах зеленеют огурцы, краснеют помидоры, громоздятся решёта с ягодами. Пронзительно визжат розовые поросята, хлопают белыми крыльями гуси. Флегматичные волы жуют свою бесконечную жвачку и пускают до земли длинные липкие слюни. Миша ходил по базару и вспоминал кислый московский хлеб и водянистое молоко, выменянное на картофельную шелуху. И он скучал по Москве, по её трамваям и вечерним тусклым огням.

Миша остановился перед инвалидом, катавшим по скамейке три шарика: красный, белый и чёрный. Инвалид накрывал один из них напёрстком. Партнёр, отгадавший, какого цвета шарик под напёрстком, выигрывал. Но никто не мог отгадать, и инвалид говорил одуроченным:

— Ежели я всем буду проигрывать, то последнюю ногу проиграю. Понимать надо.

Миша разглядывал шарики, как вдруг чья-то рука опустилась на его плечо. Он обернулся. Сзади стояла бабушка.

— Ты где пропадал целый день? — строго спросила она, не выпуская Мишиного плеча из своих цепких пальцев.

— Купался, — пробормотал Миша.

— «Купался»! Хорошо, мы с тобой дома поговорим.

Она взвалила на него корзину с покупками, и они пошли с базара.

Бабушка шла молча. От неё пахло луком, чесноком, чем-то жареным, варёным, как пахнет на кухне.

«Что они со мной сделают?» — думал Миша, шагая рядом с бабушкой. Конечно, положение его неважное. Против него — бабушка и дядя Сеня. За него — дедушка и Полевой. А если Полевого нет дома? Останется один дедушка. А вдруг дедушка спит? Значит, никого не остаётся. И тогда бабушка с дядей Сеней будут отчитывать его по очереди. Дядя Сеня отчитывает, бабушка отдыхает. Потом отчитывает бабушка, а отдыхает дядя Сеня.

Чего только они не наговорят! Он-де невоспитанный, ничего путного из него не выйдет. Он позор семьи. Он несчастье матери, которую если не свёл, то в ближайшие дни сведёт в могилу. (А мама живёт в Москве, и он её уже не видел два месяца.) И удивительно, как это его земля носит... И всё в таком роде...

Придя домой, Миша внёс корзину на кухню и пошёл в столовую. Дедушка сидел у окна. Дядя Сеня лежал на диване и, дымя папиросой, рассуждал о политике. Они

даже не взглянули на Мишу. Это нарочно! Мол, такой он ничтожный человек, что на него и смотреть не стоит. Специально, чтобы помучить. Ну и пожалуйста, тем лучше. Пока дядя Сеня соберётся, там, глядишь, и Полевой придёт. Миша сел на стул и прислушался к их разговору.

Ясно! Дядя Сеня наводит панику. Махно занял несколько городов, Антонов подошёл к Тамбову... Подумаешь! В прошлом году поляки заняли Киев, Врангель провалился к Донбассу... Ну и что же? Всех их Красная армия расколошматила. До них были Деникин, Колчак, Юденич и другие белые генералы. Их тоже Красная армия разбила! И этих разобьёт.

С Махно и Антонова дядя Сеня перешёл на Никитского.

— Его нельзя назвать бандитом, — говорил дядя Сеня, расстёгивая ворот своей студенческой тужурки. — К тому же, говорят, он культурный человек, в прошлом офицер флота. Это партизанская война, одинаково законная для обеих сторон.

Никитский не бандит? Миша чуть не задохнулся от возмущения. Он сжигает сёла, убивает коммунистов, комсомольцев, рабочих. И это не бандит? Противно слушать, что дядя Сеня болтает!

Наконец пришёл Полевой. Теперь всё! Раньше чем завтра с Мишей расправляться не будут.

Полевой снял куртку, умылся, и все сели ужинать. Полевой хохотал, называл дедушку папашей, а бабушку — мамашей, лукаво подмигивал Мише. Потом они вышли на улицу и уселись на ступеньках крыльца.

Прохладный вечер опускался на землю. Обрывки девичьих песен доносились издалека. Где-то на огородах неутомимо лаяли собаки.

Дымя махоркой, Полевой рассказывал о дальних плаваниях и матросских бунтах, о крейсерах и подводных

лодках, об Иване Поддубном и других знаменитых борцах в чёрных, красных и зелёных масках — силачах, поднимавших трёх лошадей с повозками по десяти человек в каждой.

Миша молчал, поражённый. Чёрные ряды деревянных домиков робко мигали красноватыми огоньками и трусливо прижимались к молчаливой улице.

И ещё Полевой рассказал о линкоре «Императрица Мария», на котором он плавал во время Мировой войны.

Это был огромный корабль, самый мощный броненосец Черноморского флота. Спущенный на воду в июне пятнадцатого года, он в октябре шестнадцатого взорвался на севастопольском рейде, в полумиле от берега.

— Тёмная история, — говорил Полевой. — Не на mine взорвался, не от торпеды, а сам по себе. Первым грохнул пороховой погреб первой башни, а там три тысячи пудов пороха. И пошло... Через час корабль был под водой. Из всей команды меньше половины спаслись, да и те погоревшие и искалеченные.

— Кто же его взорвал? — спросил Миша.

Полевой пожал широкими плечами:

— Разбирались в этом деле много, да всё без толку, а тут революция... С царских адмиралов нужно спросить.

— Сергей Иваныч, а кто главней: царь или король?

Полевой сплюнул коричневую махорочную слюну.

— Один другого стоит.

— А в других странах есть ещё цари?

— Есть кой-где.

«Спросить о кортике? — подумал Миша. — Нет, не надо. Ещё подумает, что я нарочно следил за ним...»

Потом все ложились спать. Бабушка обходила дом, закрывала ставни. Предостерегающе звенели железные затворы. В столовой тушили висячую керосиновую лампу. Кружившиеся вокруг неё бабочки и неведомые мошки пропадали в темноте.

Миша долго не засыпал.

Луна разматывала свои бледные нити в прорезях ставен, и вот в кухне, за печкой, начинал стрекотать сверчок.

В Москве у них не было сверчка. Да и что стал бы делать сверчок в большой, шумной квартире, где по ночам ходят люди, хлопают дверьми и щёлкают электрическими выключателями! Поэтому Миша слышал сверчка только в тихом дедушкином доме, когда он лежал один в тёмной комнате и мечтал.

Хорошо, если бы Полевой подарил ему кортик! Тогда он не будет безоружным, как сейчас. А времена тревожные — Гражданская война. По городам и сёлам гуляют банды, свистят пули. Патрули местной самообороны ходят ночью по улицам. У них ружья без патронов, старые ружья с заржавленными затворами.

Миша мечтал о будущем, когда он станет высоким и сильным, будет носить брюки клёш или, ещё лучше, обмотки, шикарные солдатские обмотки защитного цвета.

У него винтовка, гранаты, пулемётные ленты и наган на кожаной хрустящей португее. И ещё вороной, замечательно пахнущий конь, тонконогий, быстроглазый, с мощным крупом, короткой шеей и скользкой шерстью. И он, Миша, поймает Никитского и разгонит всю его банду.

Потом он и Полевой отправятся на фронт, будут вместе воевать, и, спасая Полевого, он совершит геройский поступок. И его убьют. Полевой останется один, будет всю жизнь грустить о Мише, но другого такого мальчика он уже не встретит...

Затем кто-то чёрный и молчаливый тасовал его мысли, как карты, и они путались и пропадали в темноте...

Миша засыпал.

Глава 4 НАКАЗАНИЕ

Это наказание придумал, конечно, дядя Сеня. И самое обидное — дедушка с ним заодно.

За завтраком дедушка посмотрел на Мишу и сказал:

— Набегался вчера? Вот и хорошо. Теперь на неделю хватит. Сегодня придётся посидеть дома.

Весь день сидеть дома! Сегодня! В воскресенье! Ребята пойдут в лес, может быть, в лодке поедут на остров, а он... Миша скривил губы и уткнулся в тарелку.

— Надулся как мышь на крупу, — сказала бабушка. — Научился шkodить...

— Хватит, — перебил её дедушка, вставая из-за стола. — Он своё получил, и хватит.

Миша уныло слонялся по комнатам. Какой, право, скучный дом!

Стены столовой расписаны масляной краской, она потускнела местами и потрескалась: пузатое голубое море

Рыбаков А.

Р 93 Кортик. Бронзовая птица. Выстрел : повести / Анатолий Рыбаков. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 672 с. : ил. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-25407-7

Повесть «Кортик» вышла в 1948 году и стала одним из самых популярных детских произведений середины XX века. Её дважды экранизировали и перевели на многие языки. «Кортик» открыл «арбатскую» трилогию о Мише Полякове и его друзьях, которую продолжили «Бронзовая птица» и «Выстрел». И пусть во всех этих историях Рыбаков даёт картину своего, советского, детства, приключения трёх друзей находят отклик в сердцах читателей и по сей день.

Кто бы мог подумать, что обычное лето у бабушки и дедушки может обернуться самым настоящим расследованием? Точно не Миша Поляков, простой школьник из Москвы. Красный командир Полевой, гостивший у бабушки, дарит мальчику старинный кортик. На вложенный в кортик стержень нанесён шифр, а ключ от шифра спрятан в ножнах, на поиски которых и пускаются мальчишки. Разгадав послание, они получают указания о местоположении тайника, но ребята ещё не знают, что на пути к заветной цели их ждут настоящие опасности...

В данное издание вошли все повести «арбатской» трилогии («Кортик», «Бронзовая птица», «Выстрел»), проиллюстрированные художниками Игорем Ильинским, Екатериной Чудновской и прославленным мастером книжной графики Арнольдом Тамбовкиным.

УДК 087.5

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

Анатолий Рыбаков

**КОРТИК
БРОНЗОВАЯ ПТИЦА
ВЫСТРЕЛ**

Руководитель проекта Анастасия Бутина
Ответственный редактор Ойли Кипрушѐва
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентин Бердник
Компьютерная вѐрстка Валентина Бердника
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать/ Баспага қол қойылды 27.09.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 42,04 (вкл.вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ— АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

12+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-DBK-34397-01-R